

Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 185–196.

УДК 904.5

DOI 10.25513/2312-1300.2019.2.185-196

Ю. В. Герасимов, М. Ю. Здор, М. А. Корусенко

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОМСКА: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Представлены результаты археологических исследований, проведённых в историческом центре г. Омска в 2017 г., проливающих свет на неизвестные доселе страницы истории города. Установлено местоположение некоторых элементов фортификации первой Омской крепости, что позволяет с достаточной точностью установить её размещение на территории современного города. Кроме того, обнаружены захоронения неизвестного ранее русского кладбища, которые авторы связывают с погребениями первых строителей Омска.

Ключевые слова: археология Омска; кладбища Омска; первая Омская крепость; археологические памятники; историческое наследие.

Yu. V. Gerasimov, M. Yu. Zdor, M. A. Korusenko

UNKNOWN PAGES OF HISTORY OF OMSK: ARCHAEOLOGICAL DATA

In the article are presented results of archaeological researches of historic center of Omsk in 2017. This research shed light on some never-before-seen pages of town history. In result of this research, location of some elements of deliberate fortification of the First Omsk fortress was located. This allowed to recognize location of Fortress on present city map. Beyond that, were detected some interments of previously unknown Russian cemetery. Authors of the article correlate those interments with burials of first builders of Omsk.

Keywords: archeology of Omsk; Omsk cemeteries; the first Omsk fortress; archaeological sites; historical heritage.

Ранние страницы истории основания города Омска до сих пор остаются во многом дискуссионными, невзирая на почтенную историографическую традицию, корни которой уходят ещё в XVIII столетие [1–5]. Вопросы вызывают обстоятельства основания крепости в устье р. Оми, её локализация, планировка и развитие сооружений. Так, уже Г. Ф. Мюллер приводит два варианта конфигурации фортификационных сооружений: «Низкий земляной вал, в фигуре правильного пятиугольника...», и далее, в этом же тексте: «правда, в бытность мою там в 1734 году крепость была четырёхугольная... Но как на

другой год в Селенгинск я прибыл, и там застал господина Бухольца бригадиром и комendantом, то он меня обнадежил, что заложенная им крепость подлинно так сделана была, как она прежде описана» [1]. Заметим, что цитируемый текст появился в 1760 г., т. е. спустя 26 лет по окончании путешествия автора, и создавался, скорее всего, по памяти, с опорой на путевые заметки, точность измерений и описаний в которых проверить было уже невозможно.

Упоминания первой крепости в сообщениях других путешественников XVIII в. ещё более лапидарны, там нет ни размеров,

ни формы сооружений [2]. Неудивительно, что уже вопрос о форме крепости вызывает споры. Так, по мнению А. Ф. Палашенкова и В. И. Кочадамова, она имела форму неправильного пятиугольника [6; 7], в то время как А. Д. Колесников считает её четырёхугольной, ссылаясь на сообщение Тарской воеводской канцелярии Г. Ф. Миллеру [8, с. 36]. Для решения этого противоречия А. М. Лосунов предположил, что крепость несколько раз перестраивалась, меняя свои очертания [9, с. 171]. Эту концепцию подверг обоснованной критике Д. О. Плахута [10, с. 102], но, в свою очередь, выдвинул идею о регулярной перестройке крепости, в соответствии с количеством известных планов [10, с. 105]. Архивные картографические материалы убедительно рисуют крепость в форме пятиугольника и тем самым, казалось бы, снимают одну проблему, но порождают другую – местоположение крепости на территории современного города. Из письменных источников известно лишь, что крепость была поставлена на южном берегу р. Оми, «саженях в 50 от ея устья» [1], на возвышенности, известной как Алюярский яр. Первые попытки совмещения данных старых карт и современной градостроительной ситуации были предприняты ещё в 1960-х гг. А. Ф. Палашенковым и В. И. Кочадамовым. Хотя оба исследователя использовали одни и те же источники (планы Омской крепости 1722 и 1755 гг.), результаты получились несколько отличными. Так, по А. Ф. Палашенкову, крепость имела площадь 4 га, и была локализована на территории нынешних Ленинской горки, Театральной площади, Городской думы [7, с. 29]. В. И. Кочадамов оценил площадь крепости в 6 га (с этим мнением позже согласился А. Ф. Палашенков), расположив её западнее, в пределах современных пл. Ленина, Театральной, сквера памяти борцов революции [6, с. 7].

Уточнить исторически достоверное местоположение первой Омской крепости могли бы помочь археологические данные, но систематических исследований в интересующем нас районе города не проводилось. Несколько случайных находок, обнаруженных в ходе строительных работ середины XX в., зафиксировал А. Ф. Палашенков, связав их с остатками сооружений первой кре-

пости. В 1960 г. увидели свет «Материалы к археологической карте Омска», где опубликованы сведения о находках остатков частотокола в виде фрагментов вертикальных брёвен, следах рвов, с привязками к топографическим реперам города – улицам, зданиям, перекрёсткам [4, с. 18–19]. Используя собранные материалы, учёный предложил свой вариант локализации крепости на территории современного Омска. Конечно, нынешняя карта города отличается от современной А. Ф. Палашенкову, тем не менее данные, собранные и систематизированные исследователем, и сейчас играют важную роль как материальные реперы для картографических построений.

Впервые ограниченные по масштабам раскопки на предполагаемой территории первой крепости были выполнены в 2014 г. Н. В. Телятниковой (Беликовой). Четыре небольших раскопа (шурфа) были заложены близ остановки «Площадь Ленина», на западной стороне пр. Маркса [11, с. 309]. Полученный материал показал наличие культурного слоя города XVIII в., но не дал убедительных привязок к сооружениям крепости [11, с. 310; 12, с. 404]. Указанные данные использовал С. С. Тихонов, предпринявший попытку наложить на современную карту Омска находки, описанные А. Ф. Палашенковым, данные исторической картографии и результаты археологических изысканий [5; 13]. Полученные результаты оказались близки гипотезе А. Ф. Палашенкова, с небольшой корректировкой по азимуту [5, рис. 1а]. Согласно схеме С. С. Тихонова, западный фас крепости проходит вдоль ул. Карла Маркса, а склон террасы Иртыша пересекает сквер памяти борцов революции в створе ул. Броз Тито.

Рассмотренные варианты локализации первой крепости в устье Оми опирались, главным образом, на данные исторической картографии. Этот подход требует точного совмещения топографических привязок старых и современных карт, но решение указанной задачи сильно осложняется высоким уровнем антропогенного давления, приведшего к существенному искажению исторического ландшафта: изменились конфигурации берегов рек Оми и Иртыша, исчезли ступени надпойменной и коренной террас Иртыша.

Благодаря указанному обстоятельству, достоверных реперов для совмещения ландшафтов исторической картографии и современной градостроительной ситуации не сохранилось.

Результаты, полученные авторами в ходе археологического наблюдения за ходом строительных работ по реконструкции ул. Ленина в 2017 г., позволяют предложить новый подход к решению обозначенной проблемы. Кратко изложим исторические данные о возникновении и развитии застройки юго-восточного сектора приустьевой зоны р. Оми, необходимые для понимания степени и вектора антропогенной трансформации природного рельефа изучаемой территории.

Появление первых постоянных строений в устье р. Омь, на её левом берегу, связано с неудачной экспедицией «за Яркендским золотом» под руководством подполковника И. Д. Бухгольца¹. Отряд, потерявший в результате боёв и эпидемии почти три четверти своего состава, высадился на месте будущего города 17–18 мая 1716 г., хотя называется и дата 20 июня (все даты приводятся по новому летоисчислению). Руководитель экспедиции обратился в Тобольск с просьбой о присылке пополнения и за разрешением на строительство крепости. Губернатор М. П. Гагарин прислал 500 драгун и 800 мастеровых, которые и обеспечили высокие темпы строительства укреплений. По единодушному мнению историков, строительными работами руководил пленный шведский артиллерийский поручик Яган (Иван) Каландер [15, с. 112], прикомандированный к экспедиции в качестве инженера и начальника артиллерии. В течение лета-осени крепость была приведена «в надлежащее состояние», а в декабре И. Д. Бухголец сдаёт командование гарнизоном майору И. Л. Вельяминову-Зернову и отбывает по вызову в Тобольск. Крепостные сооружения, из-за отсутствия в округе строевого леса, были выстроены из сырого дерева – ивняка и берёзы. Уже на следующий год из Тобольска присылают чертёж «О строении Омской крепости за Омью рекою и дворов в линию», руководителем работ становится майор И. Г. Аксаков. Эта крепость отображена на чертежах 1722, 1745 и 1755 гг., которые, вкуче с описаниями XVIII в., позволяют представить её внешний вид, оценить размер

и привязку к деталям рельефа. Система фортификации включала треугольный редут на стрелке Оми и Иртыша, четырёхугольный острог на первой надпойменной террасе Иртыша и большую крепость в форме пятиугольника на коренной террасе. Главная крепость северной стороной выходила на крутой берег р. Омь, с других сторон была окружена сухим рвом глубиной до 3 м, её стены состояли из земляного вала и частокола. В крепость вело четверо въездных ворот. В западной куртине, выходявшей на берег Иртыша, располагались Спасские, через которые можно было выехать в Южный форштадт (Луговскую слободу), юго-восточную разрезали Знаменские ворота, выводившие на дорогу в Томск. К берегу Оми, на север, вели Никольские ворота, дорога из которых шла вдоль берега Оми к Шестаковским воротам, расположенным в восточной куртине [6, с. 6]. Расположенная к западу от крепости, на пойменной террасе Иртыша, Луговская слобода была укреплена с юга рвом, валом и линией надолбов, связанных в единую систему с основными фортификациями крепости. Позднее стал заселяться и правый берег р. Оми, здесь расположились постройки Губиной, Омской и Курганной слободы. Для сообщения между слободами через берег Оми был возведён наплавной мост. Ограждённая площадь слобод составляла около 40 гектаров, но их заселение было неравномерным, правобережные территории были населены слабо [6, с. 8]. Первая Омская крепость не была лишена недостатков – расположенная на левом, джунгарском берегу р. Омь, в периоды ледостава и ледохода, а также половодья, она была отрезана от правого, русского берега, от главных путей сообщения с административными центрами Сибири. Весенние половодья, заливавшие пойму, топили крепость ежегодно, приводя в негодность строения и земляные сооружения, меж тем как строительный лес был крайне дефицитен, что, естественно, осложняло ремонт. В результате фортификация постепенно ветшала. Кроме того, крепость была удалена от уреза Иртыша почти на 500 м, поэтому «не может та крепость к Иртышу-реки обороны иметь, а на другое место (т. е. ближе к Иртышу. – *Авт.*) переносить невозможно для того, что те места низкие и не-

удобные» [6, с. 5]. С учётом всех перечисленных факторов было принято решение о переносе крепости на высокий правый берег р. Оми.

После демонтажа первой Омской крепости на её территории возникли Луговская и Казачья слободы. В XIX в. на территории Луговской слободы, переименованной в Ильинский форштадт, были построены каменная церковь во имя св. пророка Илии, дом-дворец генерал-губернатора, общественное собрание, католический костёл, мечеть, благодаря чему этот район превратился в деловой и общественный центр города. Через центральную часть Ильинского форштадта с севера на юг проходила Дворцовая улица, южный конец которой сливался с Атаманской ул. Казачьего форштадта, а северный выходил на Ильинский мост через р. Омь, на противоположном берегу которой начинался Чернавинский пр., выведивший на центральную торговую площадь города. Именно эта линия легла в основу современной ул. Ленина. В конце XIX в. на Чернавинском проспекте была проложена первая мостовая протяжённостью 350 м и деревянные тротуары, затем мостить стали ул. Дворцовую и Атаманскую. К концу 1930-х гг. проезжая часть на всём протяжении двух улиц была замощена булыжником, появились первые уличные фонари. В конце 1940-х гг. началась масштабная реконструкция улицы, в результате чего появились асфальтированная проезжая часть и тротуары, подвесное электрическое освещение, между проезжей частью и тротуарами были разбиты рабатки.

Таким образом, в результате достаточно длительной истории освоения, поверхность исторического центра города была в значительной степени деформирована, но подпочвенные слои, в основном, сохранили естественные структуры. В 2017 г. археологам удалось «заглянуть под землю» в ходе строительных работ по реконструкции ул. Ленина, благодаря чему появилась возможность воссоздать исторический рельеф.

Стратиграфические разрезы, заложенные в юго-западном секторе перекрёстка ул. Ленина и Лермонтова и у западной стороны ул. Ленина в районе здания № 20 показали наличие слоя искусственного происхождения мощностью больше 1 м, который был предна-

значен для повышения уровня современной дневной поверхности. Ни одно из строительных раскритий на пл. Ленина, глубина которых достигала 1,5 м, не достигло уровня залегания коренных пород. В то же время наблюдения на бортах траншей и котлованов, расположенных на Ленинской (Ильинской) горке, в сквере памяти борцов революции, у Историко-краеведческого музея показали, что техногенные структуры мощностью до 0,7 залегают на коренных породах с чётко выраженными переходами между материнской породой и гумусовыми слоями. Следовательно, на этом участке исследовательские раскрития обнажили высокую часть речной долины, т. е. террасу. Интересно также отметить, что разрезы на северной границе сквера памяти борцов революции, близ ул. Лермонтова, показали резкий переход от коренной породы к вторичному гумусу. Такая ситуация могла возникнуть лишь в том случае, когда был удалён весь естественный гумус, повреждена крыша материкового слоя и затем на открывшееся основание уложен новый плодородный слой, сформировавший современную дневную поверхность. Наблюдаемая картина свидетельствует о том, что низкая площадка надпойменной террасы на участке пл. Ленина искусственно поднята на высоту свыше 2 м, в то время как склон коренной террасы был сглажен, благодаря чему удалось добиться выравнивания поверхности для организации транспортных магистралей. Указанные наблюдения, скорее всего, отражают работы по благоустройству сквера памяти борцов революции второй половины XX в. [16, с. 262].

Стратиграфические наблюдения хорошо согласуются с результатами анализа фотографий старого Омска, на которых отображены, в том числе, детали исторического ландшафта приустьевой зоны р. Оми. Так, на фотоснимке, сделанном от Иртышских ворот второй Омской крепости в начале XX в., отчётливо прослеживается первая надпойменная терраса, контур которой повторяет изгиб ул. Лермонтова. На берегу реки устроена пристань, низкая площадка застроена пакгаузами, на заднем плане видны здания, стоящие на высокой коренной террасе – дворец генерал-губернатора, мечеть, костёл, Свято-Никольский военный собор, кадетский корпус (рис. 1).

На фотографии второй половины 1920-х гг., сделанной с башни здания генерал-губернаторского дворца, хорошо читается склон коренной террасы, который проходит по скверу памяти борцов революции так, что братская могила лежит на высокой площадке, а памятник Парижской коммуне расположен ниже, на первой надпойменной террасе. Перепад высот позволяет оценить фигура человека, стоящего на склоне, ближе к ул. Лермонтова – судя по фотоснимку, он достигает 3 м (рис. 2а-1). На одной из фотографий начала XX в. хорошо виден небольшой уклон площадки коренной террасы у дворца генерал-губернатора в сторону ул. Ленина (рис. 2б). Позже, в результате работ разных лет по благоустройству центральной части города, как мы уже отмечали выше, был поднят уровень проезжей части ул. Ленина, площади перед Юбилейным мостом, сооружены парапеты у сквера памяти борцов революции, выровнена площадка коренной террасы. В начале 1950-х гг. была проведена масштабная реконструкция сквера им. Борцов Революции, его поверхность была выровнена, уступ террасы сположен, границы оформлены парапетами (рис. 2в). По завершении указанных работ от исторической части рельефа сохранился небольшой

фрагмент в виде Ленинской (Ильинской) горки и плавный уклон ул. Ленина на участке от краеведческого музея до Юбилейного моста.

Проведённые нами стратиграфические наблюдения вкупе с данными исторической фотографии позволяют с высокой степенью достоверности реконструировать рельеф юго-восточного сектора устья р. Оми (рис. 3). В структуре долины Иртыша выделяются следующие элементы: низкая приустьевая пойма, площадка которой постепенно повышается к востоку, ступень первой надпойменной террасы высотой 3–4 м, уступ второй надпойменной террасы высотой до 3 м, сглаженный склон третьей, коренной террасы. Площадка первой надпойменной террасы, ширина которой достигала 350–400 м, имела плавный скат к Иртышу (рис. 1). Бровка второй надпойменной террасы проходила по Ленинской горке и восточной стороне ул. Ленина, пересекая последнюю в районе дома № 20 (рис. 4), уклон её вверх был довольно крутым, близ перехода к площадке надпойменной террасы сположен (рис. 2а). Склон коренной террасы, довольно пологий, хорошо видимый на фотографии у фасада генерал-губернаторского дома (рис. 2б) и до настоящего времени прослеживаемый на

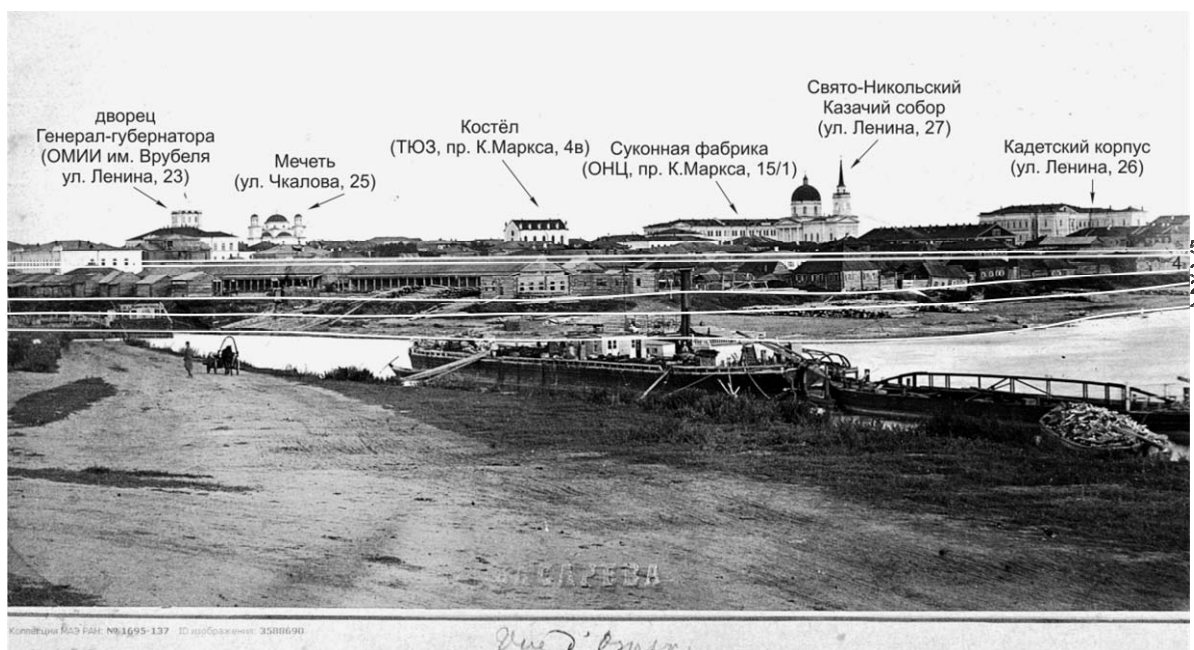
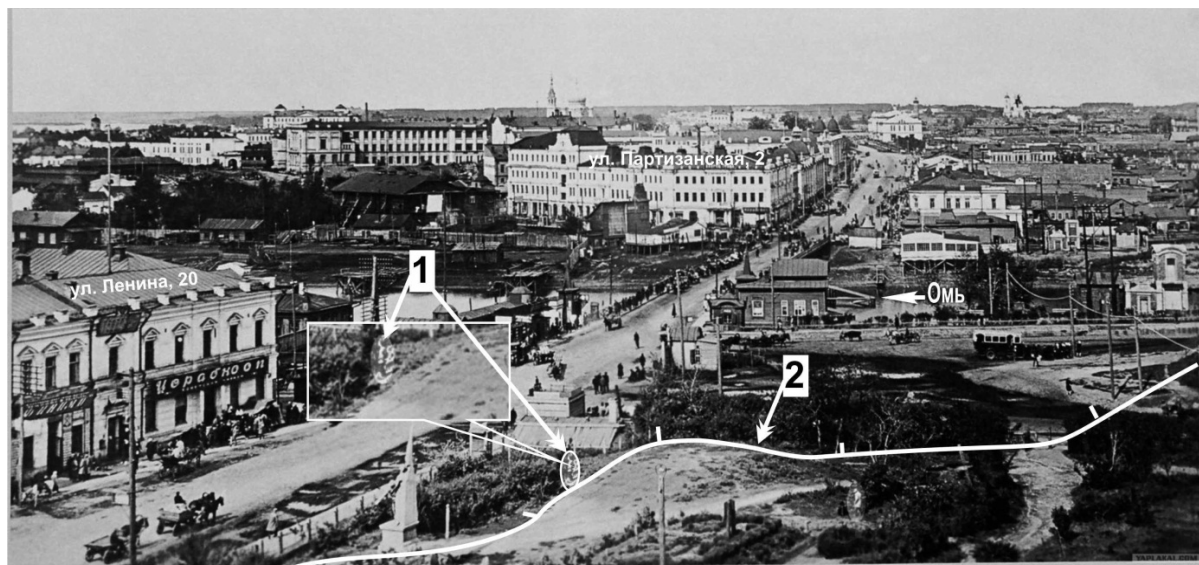


Рис. 1. Панорама Омска, вид от Иртышских ворот. Фото конца XIX в.:

- 1 – урез воды р. Иртыш; 2 – подошва первой надпойменной террасы;
3 – бровка первой надпойменной террасы; 4 – подошва третьей надпойменной террасы;
5 – бровка третьей надпойменной террасы (источник: <https://humus.livejournal.com/6051448.html>)



а



б



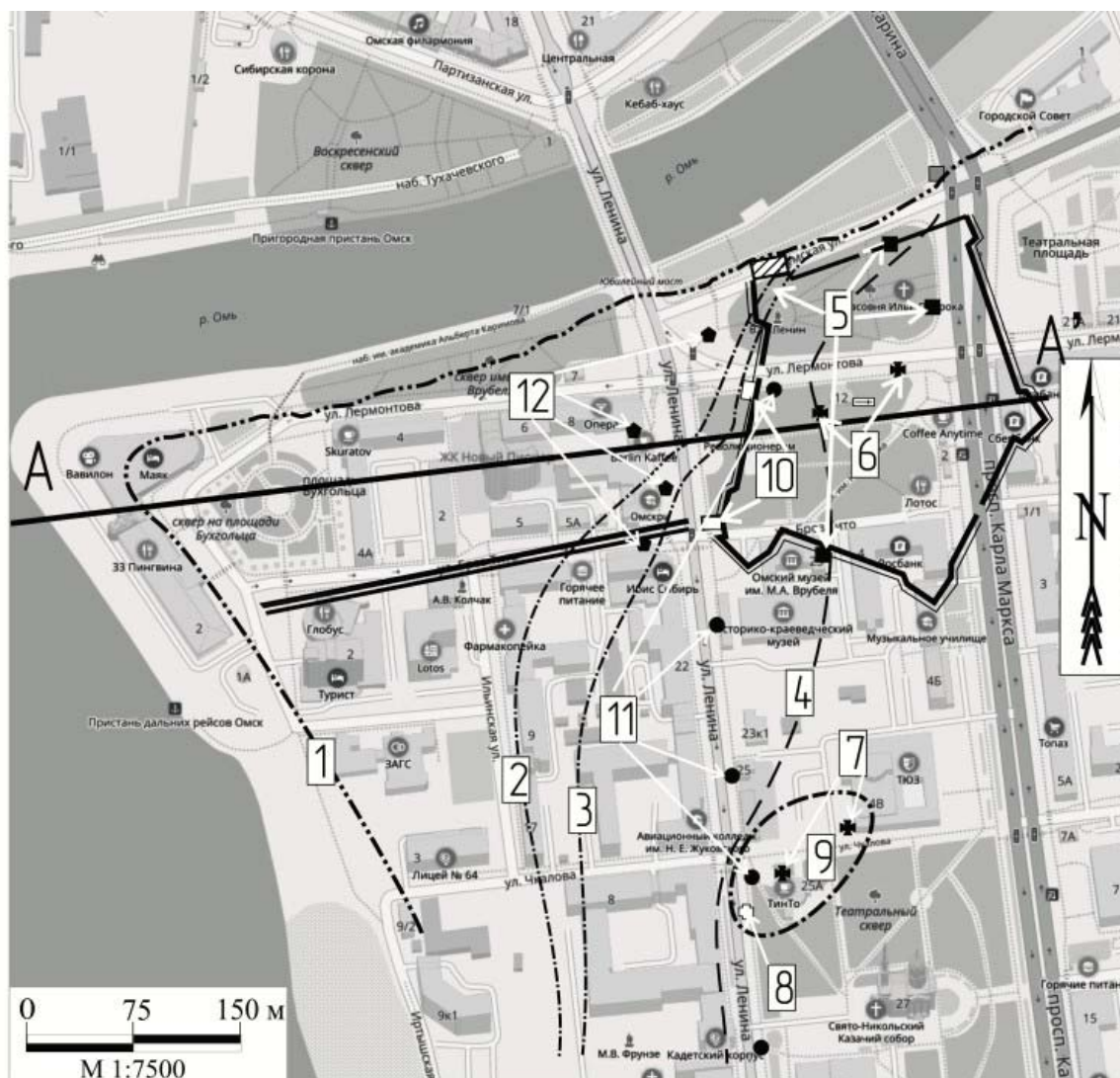
в

Рис. 2. Антропогенные трансформации рельефа центральной части г. Омска:
а – панорама, вид от генерал-губернаторского дворца, фото второй половины 1920-х гг.;
1 – фигура человека; 2 – линия бровки второй надпойменной террасы
(источник: <http://tatarlar.spb.ru/omsk-staryj-foto.html>);
б – уклон площадки террасы у дворца генерал-губернатора, фото 1903 г.
(источник: <https://omsk-55.livejournal.com/3014.html>);
в – ул. Ленина, сквер памяти борцов революции, фото середины 1950-х гг.
(источник: <https://omsk-55.livejournal.com/3014.html>)

ул. Броз Тито, близ ул. Маркса переходил в относительно ровную площадку. Уклоны надпойменных террас сливались близ перекрестка ул. Ленина и Чкалова, образуя крутой склон, видимый и сегодня позади здания кадетского корпуса. Судя по топографическим данным, разница высотных значений между уровнем Иртыша в межень и площадкой коренной террасы достигает 15 м, из которых лишь половина приходится на резкие перепады, соответствующие ступеням террас, а остальное – на плавные уклоны площадок. Заметим, что в описании местоположения крепости 40-х гг. XVIII в. отмечено, что таковая стояла «в пяти бастионах, на го-

ре немного скатом к реке Иртышу» [3, с. 36]. Левый берег долины р. Омь близ устья не имеет выраженных террас.

Описанная реконструкция линии коренной террасы Иртыша отличается от той, которую предложил С. С. Тихонов. Напомним, что он, опираясь на данные топографических карт 1940 и 2015 гг., помещал её параллельно западному контуру пр. Карла Маркса [5, с. 105]. Результаты наших стратиграфических изысканий вкупе с исследованием архивных фотоматериалов позволяют убедительно связать локализацию Алоярского яра, на котором располагалась большая крепость, с нынешней Ленинской (Ильинской) горкой.



Профиль правобережной террасы р. Иртыш.
Разрез А-А' (повернуто)

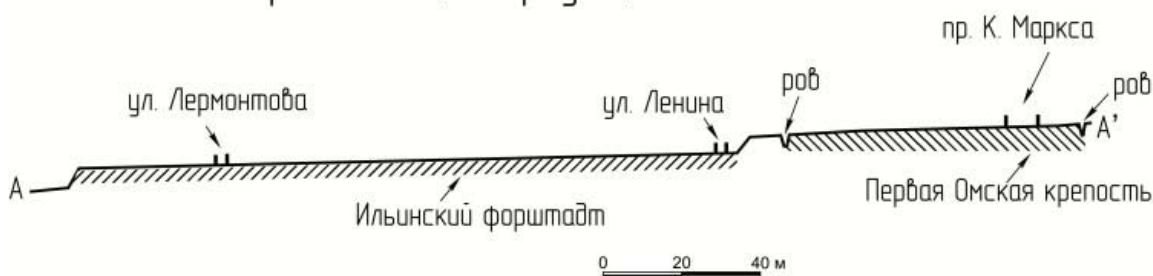


Рис. 3. Наложение реконструкции исторического ландшафта приустьевой зоны Оми, археологических находок и исторического плана Омской крепости на карту современного г. Омска: 1 – бровка первой надпойменной террасы; 2 – подошва второй надпойменной террасы; 3 – бровка второй надпойменной террасы; 4 – бровка третьей надпойменной террасы; 5 – «строительные остатки», описанные А. Ф. Палашенковым; 6 – могилы «в ограде бывшей Ильинской церкви», описанные А. Ф. Палашенковым; 7 – могилы в Городском саду, описанные А. Ф. Палашенковым; 8 – погребения, обнаруженные в ходе археологических работ 2017 г.; 9 – предполагаемые границы кладбища отряда И. Д. Бухгольца; 10 – следы крепостных рвов; 11 – стратиграфические разрезы, в которых проявились естественные структуры почв; 12 – стратиграфические разрезы, в которых естественные структуры почв отсутствовали

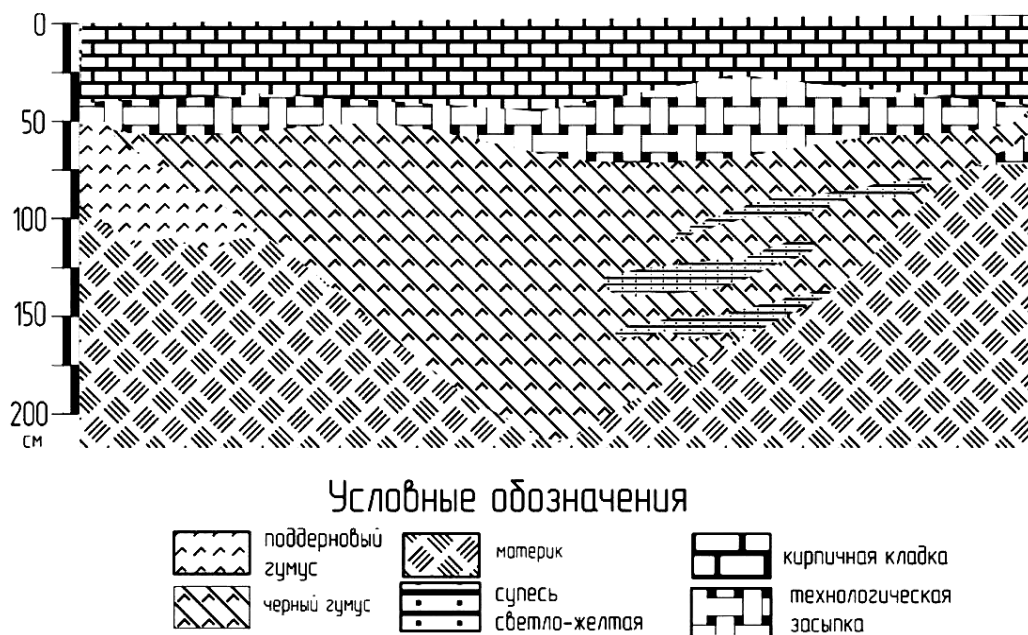


Рис. 4. Чертёж стратиграфического разреза крепостного рва на перекрёстке ул. Броз Тито и Ленина

Уточнить местоположение крепостных сооружений позволяют остатки крепостных рвов, зафиксированные в двух местах строительной траншеи – близ пересечения ул. Броз Тито и Ленина и у пешеходного перехода на ул. Лермонтова, на месте северного парапета сквера памяти борцов революции. Первый объект представляет собой трапециевидную в сечении структуру, впущенную в материк на глубину до 2,5 м от уровня современной дневной поверхности, заполненную чернозёмом, шириной по верхнему основанию до 3,5 м (рис. 4); вторая точка аналогична вышеописанной, но имеет глубину до 2 м. Профиль наблюдаемых инклюзий свидетельствует об искусственном происхождении, а морфология и размеры позволяют соотнести их с эскарпированным рвом крепости, а зафиксированные направления дают возможность совместить наши наблюдения с данными исторической картографии.

Ров, зафиксированный у юго-западного угла сквера Памяти борцов революции, направлен параллельно р. Оми, а отмеченный на северной границе – перпендикулярно реке. Наложение на современную карту города чертежа Омской крепости 1755 г. показало, что места расположения рвов, в целом, совмещаются с контурами фортификации, локализация которой близка варианту, предложенному В. И. Кочедамовым [6, с. 9]. Инте-

ресно отметить, что форма именно неправильного пятиугольника, не раз становившаяся предметом споров историков, прекрасно вписывается в детали рельефа, и, видимо, именно этим обоснована её целесообразность (рис. 4).

Убедительным представляется и мнение В. И. Кочедамова, о том, что И. Д. Бухгольц построил два укрепления – четырёхугольный острог и треугольный редут, расположив их на низкой первой надпойменной террасе. Эта версия согласуется с известной хронологией строительства. Действительно, отряд И. Д. Бухгольца прибыл к устью р. Оми во второй половине мая, отсюда был направлен гонец в г. Тобольск, в канцелярии губернатора получен ответ, доставлен Бухгольцу и лишь после этого начались строительные работы. Путь до Тобольска и обратно составляет порядка 1 500 вёрст, для его преодоления требовалось около месяца конного пути, поэтому ответ М. П. Гагарина мог быть получен не ранее начала июля; резерв подошёл ещё позже. Уже осенью, к концу сентября, крепость была приведена «в надлежащий вид», а к зиме закончены строительные работы [1]. Получается, что за три-четыре месяца нужно было создать проект, планировочное обоснование, раздобыть стройматериал и построить крепость, казармы для зимних квартир личного состава, редут и четырёхуголь-

ный форт у переправы через р. Омь. Весь этот титанический труд выполнен слабой командой из 700 человек, только что вернувшихся из тяжелейшего похода, где большая часть отряда погибла от голода и эпидемий, а оставшиеся в живых вряд ли были полны сил.

Для сравнения, работы по сооружению Ямышевской крепости, меньшей площади, имевшей всего три фаса и два бастиона, заняли полтора месяца, при том, что работы выполнялись отрядом почти в три тысячи человек [17]. Кроме того, комплекс пятиугольников, который лежит в основе фортификационной системы Вобана, довольно сложно спланировать на местности, между тем, Каландер не был военным инженером; вообще, в таких специалистах в Сибири ощущался большой дефицит [6, с. 5]. Характерно, что укрепления были сооружены на низкой надпойменной террасе, хотя на противоположном берегу высился крутой яр. Такой выбор противоречил канонам военно-инженерной науки того времени, на что сразу же обратил внимание инженер Поль де Гранж, предложив перенести крепость на правый берег р. Оми, на то самое место, где будет заложена вторая крепость в 1768 г. В историографии приводились разные доводы, объясняющие решение И. Д. Бухгольца – создание опорного пункта на левом, джунгарском берегу для дальнейшего продвижения в Верхнее Прииртышье, контроль стратегически важного пересечения путей сообщения, и даже – стремление использовать реку Омь как дополнительную защиту в случае возможного конфликта с М. П. Гагариным (хотя последнее предположение, на наш взгляд, совершенно абсурдно). Между тем, все эти мотивы не противоречат закладке крепости на правом берегу, и, следовательно, не объясняют сделанного выбора. Он становится понятен, если анализировать место размещения укрепления с точки зрения пехотного линейного офицера, задача которого – не допустить высадки противника на берег. Для десантной операции, действительно, левый берег более удобен, поэтому размещение здесь системы укреплений и её структура представляется вполне резонным: на стрелке поставлен маяк с небольшим гарнизоном и артиллерийским парком, а чуть

выше, на площадке террасы – крепость с основным гарнизоном. В случае атаки на маяк со стороны реки гарнизон крепости обеспечит ему быструю поддержку, а расположение крепости позволяет контролировать сухопутные пути сообщения и переправу через р. Омь. Повторимся, что эта схема логична именно с точки зрения опытного офицера линейной пехоты или артиллериста, хорошо знакомого с тактикой европейской войны начала XVIII в. Для военного инженера очевидна необходимость размещения крепости на господствующей высоте, в то время как для прикрытия потенциальной зоны высадки десанта и переправы через р. Омь достаточно одного редута, что и продемонстрировал проект де Гранжа.

Археологические работы 2017 г. приоткрыли завесу тайны ещё над одним сюжетом, связанным с появлением Омской крепости. В одной из строительных траншей близ ограды Театрального сквера были зафиксированы остатки захоронения, разрушенного при предыдущих реконструкциях улицы Ленина. От погребения сохранились часть могильной ямы, полуистлевшие доски гроба и фрагмент костяка, в стенке траншеи прослежены следы ещё нескольких погребений. Эти находки коррелируют с данными А. Ф. Палашенкова о следах погребения, обнаруженных при рытье траншеи под фундамент трансформаторной будки напротив фасада Театра музыкальной комедии в 1947 г. [4, с. 20]. Кроме того, им упомянуто погребение, обнаруженное при ремонте Летнего театра, располагавшегося в здании бывшего костёла, на северо-восточной окраине Театрального сквера [4, с. 21]. Остатки сгнивших досок позволили соотнести захоронение с христианской традицией, но никаких исторических сведений о существовании кладбища на этом месте А. Ф. Палашенкову обнаружить не удалось, что не позволило хотя бы примерно очертить его границы. Не внесли ясности в этот вопрос и архивные изыскания, предпринятые авторами-составителями сборника «Омские некрополи. Исчезнувшие кладбища» [18, с. 14]. В то же время археологические материалы однозначно позволяют утверждать наличие организованного кладбища, приуроченного к высокой коренной террасе правого берега р. Иртыш.

Датировка могильника может быть предположена только на основе косвенных признаков. Размеры и ориентация погребений, а также остатки дощатых гробов убедительно позволяют связывать обнаруженные захоронения с погребальными традициями русского населения. Площадь, занятая захоронениями, позволяет предполагать наличие нескольких сотен могил, что указывает на их связь с постоянным поселением, которое появилось в устье р. Оми только в 1716 г., после строительства первой Омской крепости. Все могилы расположены на одном уровне, плотность невысокая, что свидетельствует об использовании кладбища в течение относительно непродолжительного времени. Ни на одной карте крепости и города, начиная с 1722 г., на этом месте кладбище не отмечено, хотя информация о старом кладбище первой Омской крепости, закрытом уже в середине XVIII в., расположенном на Ильинской горке, к северу от дома генерал-губернатора, сохранялась ещё в конце XIX в. На месте же нашего некрополя на карте 1803 г. указаны строения Ильинского и Казачьего форштадтов.

Почему не сохранилось сведений о существовании захоронений у южной окраины крепости? Такая ситуация, скорее всего, возникла в связи с тем, что руководство и гарнизон крепости, равно как и жители слобод, уже в конце (а скорее всего, уже в середине) XVIII в. ничего не знали о кладбище на террасе реки. Таким образом, время функционирования обнаруженного некрополя может быть предположено в очень узких пределах 1716–1720 гг. Изложенные обстоятельства позволяют думать, что открытое в 2017 г. кладбище связано с отрядом И. Д. Бухгольца. Действительно, среди высадившихся в устье р. Оми участников неудавшейся экспедиции было множество больных и раненых, истощённых тяжёлым походом.

Здесь уместно вспомнить о серьёзных разночтениях в оценке потерь отряда. Так, Г. Ф. Миллер сообщает о том, что из Ямышева эвакуировалось всего 700 человек [1], но в донесении И. Д. Бухгольца указано, что с ним вышли из крепости «тысяча шестьсот человек, в том числе больные и раненые» (цит. по: [15, с. 115]). Это противоречие может быть объяснено тем, что Миллер полу-

чил сведения о потерях от Бухгольца при личном разговоре, который состоялся спустя несколько десятилетий после событий, а опубликованы они были ещё позже. Вполне возможно, что в записках Миллера отложилась численность отряда, который остался у Бухгольца в Омске, выживших после завершения похода. Действительно, следует полагать, что, как в пути от Ямышева к р. Оми, так и во время пребывания здесь, раненые и больные продолжали умирать, тем более что в месте остановки отряда не было ни припасов, ни медикаментов. Высадившись в устье р. Оми и решив строить здесь крепость, даже в качестве опорного пункта, Бухголец должен был решить вопрос с захоронением умерших. Для этого было выбрано место на высокой коренной террасе р. Иртыш, южнее места планируемого размещения крепости. Первоначальный офицерский состав продержался в новой крепости недолго: уже зимой 1716 г. И. Д. Бухголец покидает её навсегда, в 1718 г. погибает Иван Каландер. В следующем году Омск покидает майор И. Г. Аксаков, а принявший гарнизон майор Вельяминов-Зернов оставался в этой должности до 1724 г. Сколько человек осталось из нижних чинов, неизвестно, но численность солдат гарнизона в 1734 г., согласно Г. Ф. Миллеру, не превышала 150 человек. Очевидно, что уже в первые годы существования Омской крепости количество тех, кто высаживался на пустой берег в мае 1716 г., кто помнил первые захоронения, резко сократилось. Уже в 1717 г. начинается строительство новой, большой крепости на коренной террасе Иртыша, и первое кладбище оказывается на её эспланаде. Возможно, это была одна из причин организации в дальнейшем нового регулярного погоста. Старое кладбище, лишённое всякого ухода и неиспользуемое, постепенно пришло в запустение, потом и вовсе исчезло, и само место его расположения стёрлось из памяти солдат и слобожан. Лишь случайные находки строителей вновь напомнили об этой трагической странице в истории города.

Полученные находки и топография местности позволяют с высокой степенью приближения установить очертания могильника. Стратиграфические раскрытия близ Никольского собора и раскопки захоронений брон-

зового века, обнаруженных в ходе ремонта фундамента, не зафиксировали признаков погребений рассматриваемого времени. Западная часть некрополя, располагавшаяся в пределах современной улицы Ленина, возможно, была уничтожена при её обустройстве и прокладке коммуникаций, сохранилась неширокая полоса в северо-восточной зоне современного Театрального сквера, и, возможно, к северу от ул. Чкалова (рис. 4). Общая площадь сохранившейся части может быть оценена в 3 500–4 000 кв. м. На ней, с учётом прослеженной частоты расположения могил, может быть расположено порядка 1 000 захоронений. Топографически кладбище приурочено к бровке третьей надпойменной террасы, конфигурация которой, видимо, определила ориентацию рядов захоронений.

Приведённая реконструкция, конечно, гипотетична, но она позволяет объяснить все наблюдаемые факты и снять отмеченные в историографии противоречия.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Д. Н. Фиалков на основе архивных изысканий убедительно транскрибирует фамилию основателя Омска как Бухолц [14], но такое написание не стало общепринятым в современной краеведческой литературе. Авторы тоже оставляют традиционное написание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Миллер Г. Ф.* Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // *Восточная литература*. – URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller_7/frameizm.htm.
2. *Евсеев Е. Н.* Омск в XVIII и первой половине XIX веков // *Из истории Омска (1716–1917 гг.)*. – Омск, 1967. – С. 9–40.
3. *Колесников А. Д.* Основание Омской крепости и её роль в заселении Прииртышья // *Известия Омского отдела Географического Общества Союза ССР*. – 1965. – Вып. 7 (14). – С. 133–135.
4. *Палашенков А. Ф.* Материалы к археологической карте Омска // *Известия Омского отдела Географического Общества Союза ССР*. – 1960. – Вып. 3 (10). – С. 3–23.
5. *Тихонов С. С.* Этнографо-археологические исследования и вопросы картографирования исторических объектов (на примере первой Омской крепости) // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. – Барнаул; Омск: Издат. дом «Наука», 2015. – С. 104–108.
6. *Кочедамов В. И.* Омск: как рос и строился город. – Омск: Ом. книж. изд-во, 1960. – 112 с.
7. *Палашенков А. Ф.* Планы Омской крепости 1722 и 1755 годов // *Известия Омского отдела Географического Общества Союза ССР*. – 1960. – Вып. 3 (10). – С. 25–29.
8. *Колесников А. Д.* Омская пашня. – Омск, 1999. – 111 с.
9. *Лосунов А. М.* Крепость, положившая начало г. Омску // *Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура)*: материалы Всерос. науч. конф. – Омск, 2010. – С. 167–171.
10. *Плахута Д. О.* Первая Омская крепость (1716–1768 гг.): этапы строительства, картография // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. – 2014. – № 17. – С. 101–112.
11. *Беликова Н. В.* Предварительные результаты разведочных работ на I Омской крепости // *Третьи Ядринцевские чтения: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска*. – Омск: ОГИК музей, 2017. – С. 309–310.
12. *Татауров Ф. С.* Археологическое изучение первой Омской крепости: о чём рассказала стратиграфия // *Третьи Ядринцевские чтения: материалы III Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 300-летию Омска*. – Омск: ОГИК музей, 2017. – С. 404–406.
13. *Тихонов С. С.* Археологические материалы и возможности изучения ранней истории Омска // *Омск – 300: Прошлое. Настоящее. Будущее: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* – Омск, 2016. – С. 37–42.
14. *Фиалков Д. Н.* По следам Ивана Дмитриевича Бухолца // *Известия Омского отдела Географического Общества Союза ССР*. – 1964. – № 6 (13). – С. 61–66.
15. Омское Прииртышье и город Омск на картах, планах и чертежах XVII – начала XIX века. – Тобольск, 2015. – 384 с.
16. *Дьякова О. П.* История мемориального сквера Памяти борцов революции в фотографиях // *Четвёртые Ядринцевские чтения: материалы IV Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию Революции и Гражданской войны в России*. – Омск: ОГИК музей, 2017. – С. 259–262.
17. *Евсеев Е. Н.* Экспедиция И. Д. Бухолца и основание Омской крепости // *Мосты жизни нашей... Евгений Евсеев: исследования, публикации*. – URL: <http://lib.omsk.ru/ip/evseev/node/175>.
18. Омский некрополь. Исчезнувшие кладбища. – Омск: Омский дом печати, 2005. – 232 с.

Информация о статье

Дата поступления
31 января 2019 г.

Дата принятия в печать
28 мая 2019 г.

Сведения об авторах

Герасимов Юрий Викторович – канд. ист. наук, научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, ведущий инженер Омского научного центра СО РАН (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644024, Россия, Омск, пр. Карла Маркса, 15

E-mail: ngajapti@yandex.ru

Здор Максим Юрьевич – ведущий инженер Омского научного центра СО РАН (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644024, Россия, Омск, пр. Карла Маркса, 15

E-mail: max.zdor@gmail.com

Корусенко Михаил Андреевич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий Лабораторией историко-культурных экспертиз Омского научного центра СО РАН, заведующий Комплексной научно-исследовательской лабораторией изучения социокультурных процессов в древности и современности Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644024, Россия, Омск, пр. Карла Маркса, 15

E-mail: ollo.link@gmail.com

Для цитирования

Герасимов Ю. В., Здор М. Ю., Корусенко М. А. Неизвестные страницы истории Омска: археологические данные // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2 (22). С. 185–196. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.2.185-196.

Article info

Received
January 31, 2019

Accepted
May 28, 2019

About the authors

Yury V. Gerasimov – PhD in Historical Sciences, Researcher of the Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museology of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, Leading engineer of the Omsk Scientific Center of the SB RAS (Omsk, Russia)

Postal address: 15, Karla Marksa pr., Omsk, 644024, Russia

E-mail: ngajapti@yandex.ru

Maksim Yu. Zdor – Leading Engineer of the Omsk Scientific Center of the SB RAS (Omsk, Russia)

Postal address: 15, Karla Marksa pr., Omsk, 644024, Russia

E-mail: max.zdor@gmail.com

Mikhail A. Korusenko – PhD in Historical Sciences, Senior Researcher of the Omsk Laboratory of Archeology, Ethnography and Museology of the Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS, Head of the Laboratory of historical and cultural examinations of the Omsk Scientific Center of the SB RAS, Head of the Integrated Research Laboratory for the study of sociocultural processes in antiquity and modernity of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 15, Karla Marksa pr., Omsk, 644024, Russia

E-mail: ollo.link@gmail.com

For citations

Gerasimov Yu.V., Zdor M.Yu., Korusenko M.A. Unknown Pages of History of Omsk: Archaeological Data. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*, 2019, no. 2 (22), pp. 185–196. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.2.185-196 (in Russian).